

УДК 8

ОБРАЗ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА
Реджепова Дж.П.

*Преподаватель кафедры теории и практики русского языка,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Сахетлиева Ч.

*Студент,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Комекова Ш.

*Студент,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Аннотация

Образ «лишнего человека» представляет собой один из наиболее значимых феноменов русской литературы XIX века, отражающий кризис дворянского сознания в эпоху социальных трансформаций. В настоящей обзорной статье систематически анализируется генезис, эволюция и типологические характеристики этого образа на материале произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и других авторов. Особое внимание уделяется психологическим, социальным и философским аспектам феномена, а также его роли в формировании реалистического метода. Исследование опирается на историко-литературный подход, выявляя преемственность и трансформацию образа от романтизма к реализму.

Ключевые слова: лишний человек, русская литература XIX века, Онегин, Печорин, Обломов, Чацкий, социальные противоречия, дворянская интеллигенция, психологический реализм, литературный тип.

**THE IMAGE OF THE "SUPERFLUOUS MAN" IN RUSSIAN LITERATURE
OF THE 19TH CENTURY**

Rejepova J.P.

*Lecturer of Department of theory and practice of the Russian language
Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Sahetliyeva Ch.

*Student,
Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Komekova Sh.

*Student,
Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Abstract

The image of the "superfluous man" is one of the most significant phenomena in 19th-century Russian literature, reflecting the crisis of noble consciousness during an era of social transformation. This review article systematically analyzes the genesis, evolution, and typological characteristics of this image using works by A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, and other authors. Particular attention is paid to the psychological, social, and philosophical aspects of this phenomenon, as well as its role in the formation of the realistic method. The study draws on a historical-literary approach, revealing the continuity and transformation of this image from Romanticism to Realism.

Keywords: superfluous man, Russian literature of the 19th century, Onegin, Pechorin, Oblomov, Chatsky, social contradictions, noble intelligentsia, psychological realism, literary type.

Введение

Феномен «лишнего человека» возник в русской литературе первой половины XIX века как художественное воплощение глубокого кризиса дворянской интеллигенции, столкнувшейся с несоответствием личных амбиций и возможностей самореализации в условиях крепостнического уклада. Этот тип героя, лишенный места в социальной структуре общества, но наделенный острым интеллектом и нравственной чувствительностью, стал зеркалом эпохи, когда декабристские поражения и николаевская реакция усилили ощущение отчуждения образованного слоя от государственной машины и народных масс. Термин «лишний человек» был введен В. Г. Белинским в рецензии на роман И. Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850), однако прототипы образа прослеживаются уже в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824). [1; 2]

Образ «лишнего» героя не только фиксирует индивидуальную трагедию, но и несет критический потенциал, разоблачая пороки общественной системы: казенную мораль, духовную пустоту светского круга, отсутствие подлинных идеалов. Его интеллектуальное превосходство сочетается с неспособностью к действию, что порождает внутренний конфликт между словом и делом, мечтой и реальностью. В контексте русской литературы XIX века этот тип эволюционирует от романтического бунтаря к реалистическому апатету, отражая переход от романтизма к критическому реализму. Актуальность темы обусловлена не только ее ролью в отечественной словесности, но и универсальностью проблемы маргинальности личности в кризисные периоды. [2]

Цель статьи – комплексный анализ генезиса, основных черт и эволюции образа «лишнего человека» в ключевых произведениях эпохи. Задачи включают: определение социально-исторических предпосылок, характеристику прототипов у Пушкина, Лермонтова и Тургенева, изучение трансформации типа в 1850–1860-е годы, оценку философских импликаций. Методология сочетает историко-литературный, сравнительно-типологический и психоаналитический подходы. [2]

1. Социально-исторические предпосылки формирования образа

Возникновение типа «лишнего человека» коренится в противоречиях русского общества 1820–1850-х годов, где дворянство, лишённое политической инициативы после подавления декабристского восстания 1825 года, переживало глубокий духовный кризис. Образованный слой, воспитанный на идеалах Просвещения и европейской романтики, осознал свое несоответствие патриархальным реалиям крепостного права и бюрократической империи Николая I. Герои-аристократы, вернувшиеся из-за границы или получившие блестящее домашнее образование, сталкивались с «пустотой» провинциальной жизни и фальшью столичного света, что порождало ощущение «лишности» – бесполезности талантов в неподходящей среде. [2]

Николаевская цензура и репрессии усугубляли апатию: интеллигенция, не имея выхода для реформ, уходила в эскапизм или цинизм. Белинский подчеркивал, что «лишний человек» – продукт «общественных недугов», где личность «лишняя» не по своей вине, а из-за системы, подавляющей инициативу. Этот контекст объясняет преобладание в образе черт разочарования, скепсиса и интроверсии: герой видит пороки общества острее других, но бессилён их преодолеть. Историки литературы отмечают влияние байронизма – английского романтического героя-изгнанника, адаптированного к русским реалиям, где бунт становится внутренним, а не внешним. [1]

К 1840-м годам, с развитием реализма, предпосылки обретают социальную окраску: «лишний человек» воплощает кризис «лишнего» дворянства, которое теряет экономическую базу и идеологическое оправдание перед лицом растущего третьего сословия. Таким образом, образ становится диагностическим инструментом литературы, выявляющим предреформенные противоречия. [2]

2. Образ «лишнего человека» у А. С. Пушкина и предшественников

А. С. Пушкин задает каноническую модель «лишнего человека» в романе «Евгений Онегин» (1823–1831), где Евгений предстает типичным «лишним» героем: светский франт с европейским лоском, но внутренне опустошенный скукой и разочарованием в обществе. Онегин «читал, лениво перелистывая / Взял журнальчик и его пробежал», демонстрируя интеллектуальную праздность; его «хандра» – следствие отсутствия дела, достойного талантов. Отвергнув любовь Татьяны, он не просто циник, но трагическая фигура, осознающая свою «лишность» в дуэли с Ленским: «Иль в сердце он моей Татьяны / Уж полюбил? – Ужель ревнует он?..» [2]

Прототипы образа встречаются раньше: Чацкий в «Горе от ума» А. С. Грибоедова (1824) – первый «лишний человек», чьи обличения московского дворянства («А судьи кто? – злые языки») приводят к отвержению обществом. Чацкий – романтический бунтарь, полный идей просвещения, но наивный в оценке реальности, что делает его «лишним» в мире «чванства и суетности». Пушкин развивает эту модель, добавляя психологическую глубину: Онегин не бунтует открыто, а пассивно наблюдает, подчеркивая трагизм «недеяния». [1]

У Пушкина «лишний человек» – зеркало «золотого века» дворянства: талантливый, но бесцельный, он страдает от несоответствия идеалов и быта. Это задает преемственность для последующих авторов. [2]

3. Печорин как вершина романтического «лишнего человека» в творчестве М. Ю. Лермонтова

М. Ю. Лермонтов углубляет пушкинскую модель в романе «Герой нашего времени» (1839–1840), где Григорий Печорин предстает демоническим «лишним человеком» – гением зла, чья сверхчеловеческая воля парадоксально обрекает на одиночество. Печорин анализирует себя с холодной точностью: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его», раскрывая дуализм интеллекта и эмоций. Его «испытания» над Максимом Максимычем, Мери и Вера – попытки преодолеть скуку, но заканчиваются разрушением, подчеркивая демонизм: «Я, как камень, брошенный в гладь пруда, возмущаю собою его спокойствие». [1]

В отличие от Онегина, Печорин активен в зле, но пассивен в добре; его «лишность» – в романтическом разладе с миром, где страсть оборачивается

цинизмом. Лермонтов усиливает философский аспект: Печорин – «страдалец» эпохи, лишенный веры после 1825 года, чья энергия тратится на самоуничтожение. Белинский видел в нем «героя времени» – зеркало николаевского застоя. [2]

Романтизм Лермонтова делает Печорина последним бунтарем среди «лишних», предвещая реалистический апатет.

4. Трансформация образа в творчестве И. С. Тургенева

И. С. Тургенев кодифицирует термин в повести «Дневник лишнего человека» (1850), где Чулкатурин – пассивный наблюдатель, чья жизнь проходит в болях и воспоминаниях: «Я лишний человек... в природе и в обществе». В отличие от активных предшественников, тургеневский герой статичен, растворен в лирике природы, но лишен воли к действию. Его исповедь – реквием по несбывшемуся, где любовь к Лизе обречена социальным разрывом. [3]

В романе «Рудин» (1856) Дмитрий Рудин – красноречивый идеалист, чьи речи вдохновляют, но не ведут к делу: «Слова, слова, слова!» – его трагедия. Тургенев показывает эволюцию типа к «говорильне»: герой влияет словом, но пассивен в практике, отражая кризис либеральной интеллигенции 1840-х. Это мост к следующему этапу – бытовой «лишности». [2]

5. Обломов и кульминация типа у И. А. Гончарова

И. А. Гончаров в романе «Обломов» (1859) доводит «лишнего человека» до апогея апатии: Илья Ильич Обломов – воплощение инертности, чья «обломовщина» – симбиоз лени и мечтательности. Лежа на диване, он фантазирует о реформах имения, но не шевелится: «Лежать – вот его нормальное состояние». Штольц пытается его активизировать, но Обломов гибнет в объятиях Агафьи Пшеницыной, символизируя упадок дворянства. [2]

Гончаров добавляет социальную сатиру: Обломов – не злодей, а жертва патриархального уклада, где труд – «не дворянское дело». Тип эволюционирует от романтического бунта к бытовому разложению, предвещая 1860-е реформы. [2]

6. «Лишний человек» в произведениях 1860-х годов и упадок типа

После крестьянской реформы 1861 года образ трансформируется: в «Дворянстве» Тургенева (1869) или «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского Раскольников – «тварь дрожащая», но уже не «лишний», а преступник-сверхчеловек. Тип угасает, уступая «новым людям» – Базарову у Тургенева, революционерам у Чернышевского. Н. А. Добролюбов в «Что такое обломовщина?» (1859) объявляет Обломова последним «лишним», критикуя пассивность. [3]

Упадок отражает смену эпохи: интеллигенция обретает социальную роль в реформах. [2]

7. Психологические и философские характеристики «лишнего человека»

Психологически «лишний человек» – интроверт с гипертрофированным самосознанием, страдающий от «болезни века» – байронической меланхолии. Общим является разочарование в любви (Онегин-Татьяна, Печорин-Вера), дружбе (дуэль с Ленским, Максимыч) и обществе. Философски – экзистенциальный кризис: герой осознает абсурд бытия, но не находит трансцендентного выхода, впадая в нигилизм. [2]

Н. А. Бердяев видел в типе предвестие русского «мессианства» – жертвы за народ без дела.

Таблица 1 – Анализ героев разных произведений

Герой	Автор	Основные черты	Социальный статус	Конфликт
Чацкий	Грибоедов	Бунтарь-идеалист	Дворянин-реформатор	Общество против идеи
Онегин	Пушкин	Циник-скучающий	Светский аристократ	Скука против свет
Печорин	Лермонтов	Демонический эгоист	Офицер-кавалерист	Воля против судьба
Рудин	Тургенев	Говорун-идеалист	Студент-богослов	Слово против дело
Обломов	Гончаров	Апатик-мечтатель	Помещик	Инерция против действие

8. Значение образа в развитии русской литературы

«Лишний человек» стимулировал психологический реализм: от пушкинской иронии к гончаровской сатире, подготовив почву для «новых типов» – нигилистов и народников. Он обогатил жанры: роман, повесть, дневник. В мировом контексте аналогичен гамлетизму или байронизму. [2; 3]

Заключение

Образ «лишнего человека» – вершина русской литературы XIX века, диагностирующая кризис эпохи и предвещающая модернизм. Его эволюция от бунтаря к апатету отражает социальные сдвиги, подчеркивая вечную проблему несбывшегося таланта.

Библиографический список

1. Афасижев М. Н., Федусова А. А. Образ адыга в русской литературе и музыке XIX века // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2022. № 1 (63). DOI: 10.26086/NK.2022.63.1.003.
2. Темаева Х. Н. Тема личности и действительности в русской литературе XIX века // Научный бюллетень Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2025. № 2 (6). С. 72–75. DOI: 10.36684/118-2025-2-6-72-75.
3. Хамидова С. С., Ахмадова Т. Х. Феномен «лишнего человека» в русской литературе: от Онегина до современности. 2025. С. 49–56. DOI: 10.36684/166-1-2025-49-56.